



Спутник и Погром - Mein Jihad: сотрудничество нацистов и мусульман
nopaywall



<https://t.me/nopaywall>

Начало 1942 года. Почти разгромленный СССР воскресает, как Феникс из пепла, и начинает всеобщее наступление от Ладожского озера до Черного моря. Японцы захватывают Бирму, а индусы, шокированные слабостью отступающего Лондона, поднимают голову. Американцы громят флот японцев у атолла Мидуэй. В Третьем рейхе в это время происходит незаметное, казалось бы, событие. Власть меняет название структурного подразделения немецкого Министерства пропаганды — до этого «Отдела антисемитского действия» — на «Отдел антиеврейского действия». Намного раньше, в 1935 году, сам Йозеф Геббельс проинструктировал подконтрольную немецкому правительству прессу воздержаться от использования производных от слова «семит» в негативном контексте. Доктор советовал газетчикам использовать производные от слова «еврей». В чём причина столь несвойственной Третьему рейху политкорректности? Ответ выглядит, как знаменитая римская фраза наизнанку: хочешь войны — приготовься к миру. Уже в середине 30-х годов XX века Берлин готовился к новой мировой войне с великими европейскими державами, в чьих колониальных империях и просто на подконтрольных территориях проживали огромное количество мусульман-арабов, входящих с евреями в семитскую группу. Хотя не все арабы мусульмане (и тем более не все мусульмане — арабы), подрывная работа против вероятных противников автоматически сводила немцев с исламом как таковым. Берлин жаждал не просто мира с адептами этой религии, чтобы подорвать могущество Британии. Берлин нуждался в союзниках.

Сегодня мы расскажем, как выглядело сотрудничество мусульман и немцев до, во время, и после Второй мировой войны, и к каким последствиям это привело.

«Газават Ганс»¹

Немецкие попытки использовать мягкую силу в отношении мусульман начались ещё с XVIII века. Это [сопровождалось](#) всё большим потеплением отношений между Берлином и Стамбулом (хотя причины и следствия постоянно менялись местами).

Османская империя, последняя великая держава исламского мира, активно искала помощи, ведь Габсбурги и Романовы активно наседали на турок сразу с нескольких направлений. В XIX — начале XX веков к процессу распила османского наследия подключились французы, итальянцы и ряд балканских государств, появившихся опять-таки благодаря активному участию ряда европейских держав.



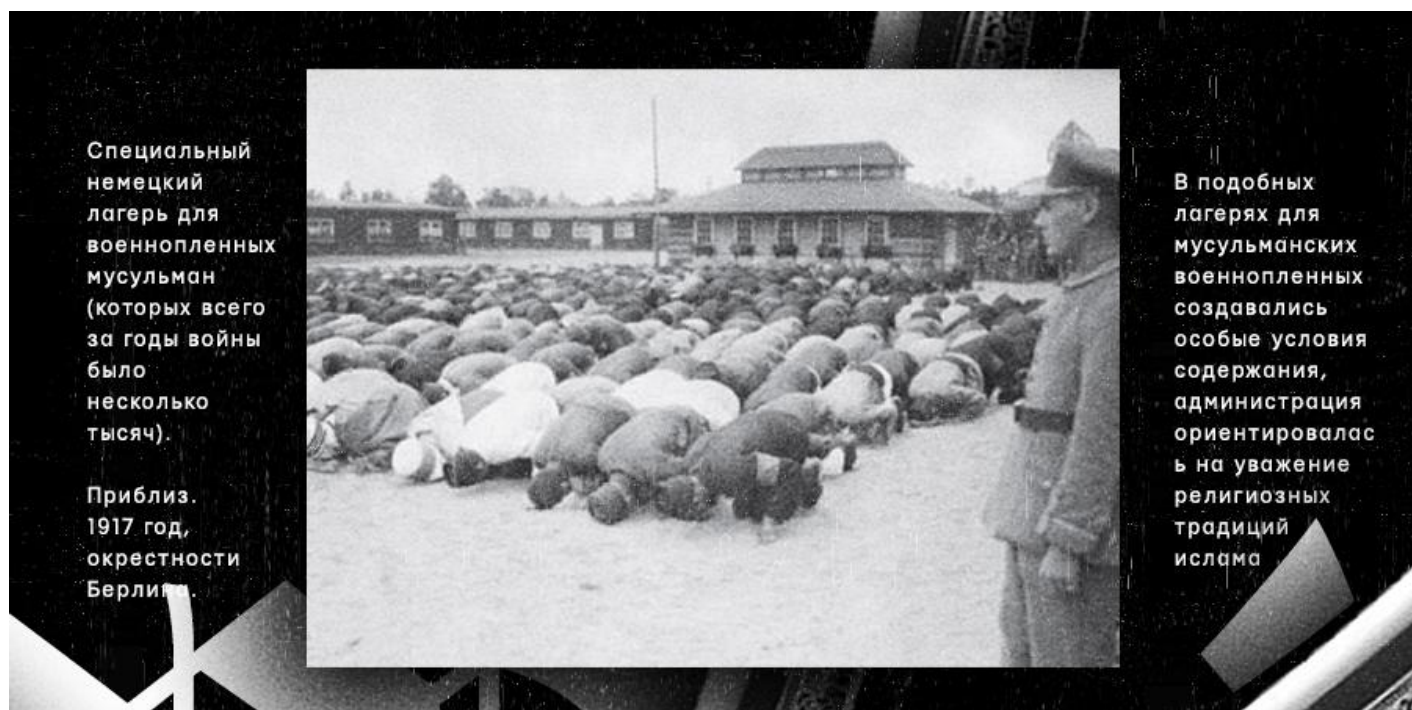
Сотрудничество между османами и немцами имело интересное измерение в популярной культуре — например, в цикле романов немецкого писателя Карла Мая про Кара бен Немзи, немецкого путешественника, выступающего под восточным именем, главгерой одобрительно [высказывается](#) о резне армян в Османской империи, резюмируя «Армянин — это революционер, которого англичане использовали для свержения султана»

То, что началось, как отряд боснийских гусар в армии Фридриха Великого, к концу XIX века превратилось в крепкую дружбу между державами. В 1898 году кайзер Германии Вильгельм II [объявил](#) себя другом и защитником всех 300 миллионов мусульман, проживающих на планете. Подавляющее большинство верующих проживало за пределами земель Османов. Под контролем Стамбула к 1914 году осталось меньше 30 миллионов человек, из которых не все были мусульманами. Важность жеста кайзера состояла в том, что султан был халифом. Проще говоря, лидером (формальным или неформальным) всех мусульман мира. Слово халифа обладало большим весом — ведь Османский девлет был [последним](#) легитимным халифатом. Приказы и пожелания султана шли очень далеко — например, в годы Первой мировой несколько афганцев

со связями в Османской империи [устроили](#) в Австралии крупномасштабный теракт под знаменем полумесяца.

Военный потенциал использования мусульманского фактора против той же Британской империи, где проживали 100 миллионов мусульман (не говоря про французский Магриб и русские Кавказ со Средней Азией), мог прикрыть масштабный и смелый проект проникновения немцев на Ближний Восток. История железной дороги Берлин-Багдад² — сага о временах, когда Германия пыталась на равных участвовать в переделе мира. В ретроспективе видно, что если немцы и были когда-то близки к победе над миром, то при последнем кайзере. Противостояние 1939–1945 годов выглядит уже больше войной обречённых. Военно-экономический потенциал гитлеровской Германии значительно уступал потенциалу антигитлеровской коалиции.

Немцы проиграли Первую мировую, а страны Антанты в целом успешно блокировали мусульманский фактор. Основные участники войны против Центральных держав обладали куда большим опытом управления мусульманами, и подрывные действия германских шпионов-ориенталистов не смогли нанести союзникам непоправимого ущерба. Султан Османской империи объявил джихад скорее для мобилизации населения самой империи и получения некоторого подобия легитимности своих притязаний за рубежом.



Наследием той эпохи стала турецко-немецкая дружба, пережившая даже Гитлера (к слову, фюрер расщедрился на [признание](#) турок арийцами).

И до, и во время Первой мировой войны Германия воспитала массу кадров, специализировавшихся на работе с мусульманами, что обусловило заметные немецкие успехи на этом направлении в годы Второй мировой. Ведь как мы уже говорили, больше немцам негде было потренироваться в манипулировании мусульманами. Ведь

к моменту прихода Гитлера к власти всё мусульманское население оставшейся без колоний Германии составляло чуть больше 3000 человек.

Предвестники бури

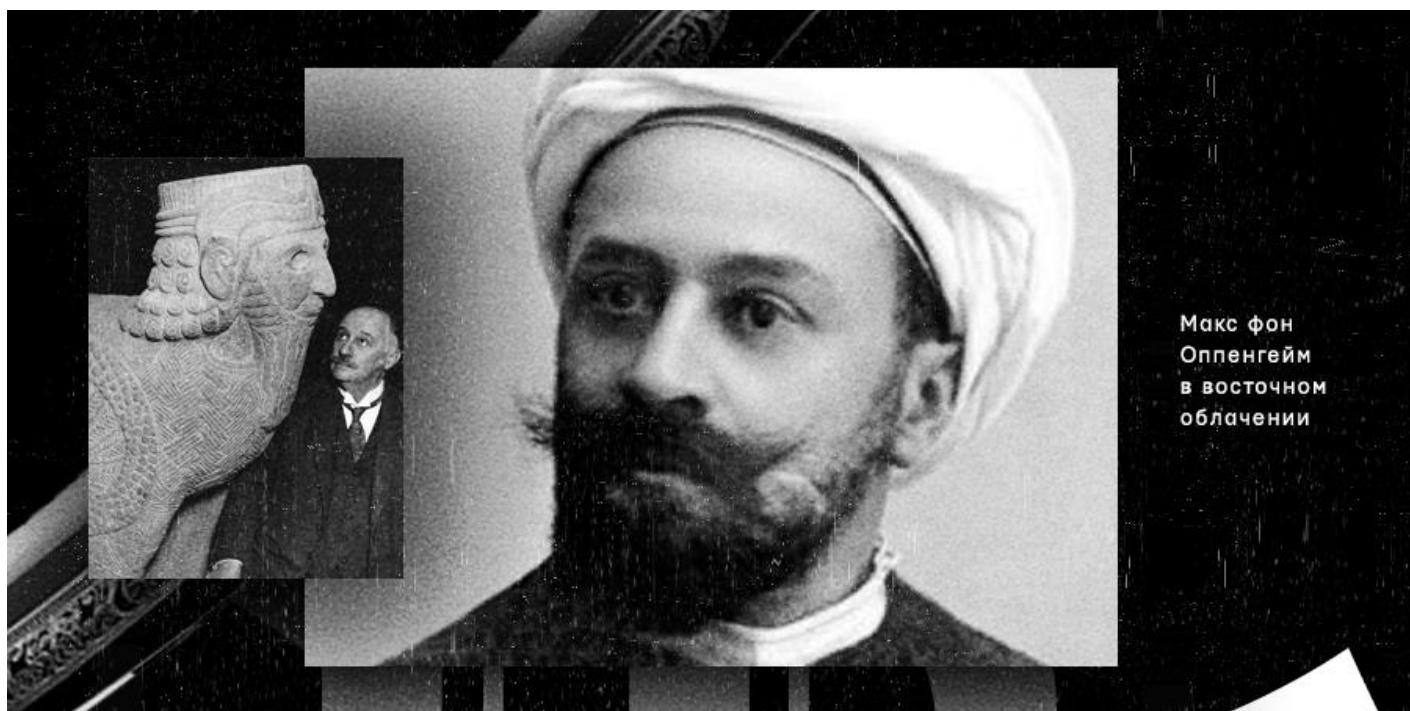
В лихие двадцатые Веймарской Германии, казалось, сам бог велел плюнуть на внешнюю политику. Страна рушилась, инфляция скакала, как разряженные трансвеститы по сцене ночного клуба «Эльдорадо», голодные горожане штурмовали поезда, идущие в провинцию, чтобы выкапывать на полях остатки свеклы, и, если уж мы говорим об исламско-немецких связях, Берлин стал Меккой секс-туризма, где немцы продавали себя и своих детей богатым путешественникам. «Но был и тот, который не стрелял». Даже в моменты величайшего унижения Германии находились люди, думавшие о будущем величии Рейха. Немецкие дипломаты все равно участвовали в переделе Ближнего Востока. Немцы поддерживали проект сионистов по переселению евреев в Палестину (насколько позволяли стесненные обстоятельства, конечно). Началось это ещё при кайзере, в 1917 году, когда немцы стали давить на султана, чтобы Стамбул признал права евреев на землю на Ближнем Востоке. Процесс переселения шел стихийно (ведущие колониальные державы в целом не одобряли) и с кровопролитием. Ведь рост численности еврейских поселенцев провоцировал столкновения с местными (вот главная причина недовольства колониальных держав) и вообще возрос риск поссориться с арабами. Но Германия, возрождавшаяся из руин, задыхалась без рынка сбыта — потому немцы рубили окно на Ближний Восток для экспорта. Еврейские поселенцы наиболее активно заказывали немецкую продукцию — отчасти из-за соотношения цены-качества, отчасти из-за связей переселенцев с евреями с Большой земли (Европы). Так что портить с евреями отношения немцам было не с руки.

С другой стороны, обстановка 1920-х годов на Ближнем Востоке даже без немецких диверсантов способствовала росту критических настроений среди мусульман. По итогам демонтажа Османской империи многочисленные обломки бывшей сверхдержавы в регионе либо получили независимость (Саудовская Аравия и Ко), либо попали в прямое управление французских и английских победителей. Новые властители — новые порядки. Например, французы стали покровительствовать местным религиозным меньшинствам, в частности, христианам и алавитам. Эхо столетних событий звучит до сих пор: возвышение христиан в Ливане, а алавитов в Сирии и легло в фундамент последующих гражданских войн в этих странах. Удивительно, но представители арабских сообществ или правящих кругов арабских стран (от Палестины до Ирака) регулярно обращались к Германии за помощью в урегулировании региональных конфликтов и искали защиты от притеснений новых хозяев региона. Каждый раз Германия тактично отказывалась. Нужно понимать, что Берлин страдал от нехватки

сил — и англичане и французы не стеснялись применять силу против поверженного противника, как показал [Рурский конфликт 1923 года](#). Но даже и ослабевшие, немцы не сидели сложа руки.

Ещё в годы Веймарской республики по каналам ещё кайзеровского времени пошла работа с представителями национально-освободительных движений мусульманских территорий, которые приезжали в послевоенную Германию «на учёбу». Объединения студентов имели говорящие названия: «Ассоциация освобождения Египта», «Союз друзей Индии», «Комитет независимости Туниса» и пр. Членами всех этих объединений в равных пропорциях состояли местные немцы на зарплате и приезжие мусульмане, конечно же, в большинстве не гастарбайтеры, а политические эмигранты со всех краев уммы — из Ирана, Туркестана, арабских стран, Индии и многих других территорий под прямым или косвенным управлением европейцев.

Практически все немцы в этих группах были бывшими сотрудниками Организации Оппенгейма.



[Макс фон Оппенгейм](#) — типовой персонаж эпохи Большой Игры. Выходец из элиты, ориенталист и дипломат (то есть шпион-любитель). В Первую мировую активно продвигал идею джихада на мусульманских территориях стран Антанты.

Хотя полномасштабного джихада не вышло, но как упоминалось, немцы за относительно короткий период создали школу ориенталистов-подрывников.

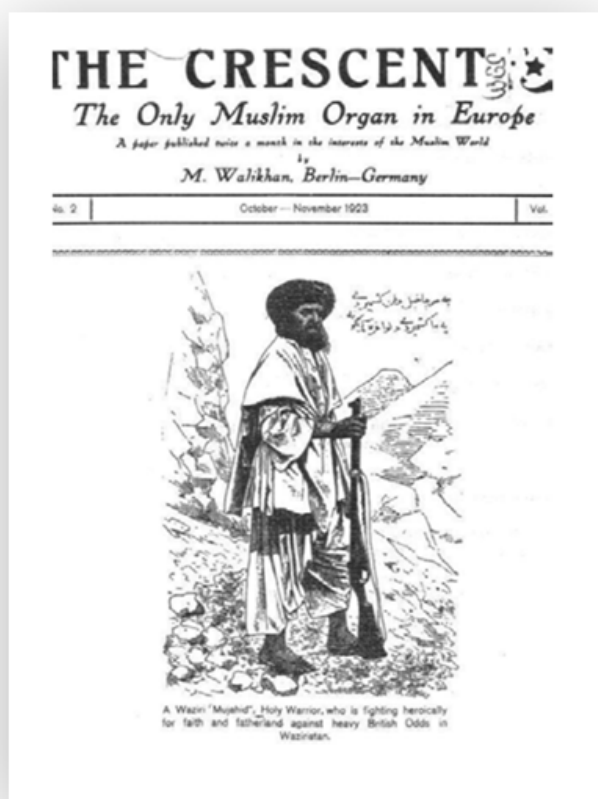
И конъюнктура послевоенной эпохи, несмотря на потерю ценного союзника в лице последнего халифа, сложилась для немцев достаточно позитивной.

Во-первых, англичане и французы получили в управление новые огромные территории с многочисленным мусульманским населением, крайне сложным балансом сил и своеобразным административным устройством, основанным не только на формальных, но и многочисленных неформальных и личных договорённостях

на местах. Османская империя была, парадоксально, централизованной только в самом своём центре. А в каждой конкретной провинции сложилась [своя атмосфера](#). Стоило убрать из уравнения Османов, арбитров в спорах и гарантов прав (как имущественных, так и политических), и вся конструкция посыпалась. Даже терпеливый и благонамеренный колонизатор неизбежно столкнулся бы с насилием, возникающим из-за разногласий и неопределённости в правах после обрушения старого многоуровневого порядка.

Во-вторых, Великая Война впервые показала противоречия, давно существующие в колониальных империях. С одной стороны, подавляющее большинство мусульман-туземцев (кроме, конечно, компрадорских колониальных элит) находились на более низкой ступени социальной иерархии, чем белые жители метрополий в иерархии империй. Иначе это не колония, а доминион вроде Австралии, Канады или Новой Зеландии. С другой стороны, Первая мировая заставила страны Антанты мобилизовать огромные людские ресурсы своих заморских владений, включая и мусульман.

За [Британию](#) в Великой Войне сражались 400 тысяч солдат-мусульман, а за Францию [280 тысяч солдат](#). Всего 89 тысяч солдат-мусульман отдали свои жизни за Англию и Францию. Увы, победа в войне и проявленный лоялизм не принесли никакого повышения в статусе мусульман, и это логичным образом привело к росту недовольства.



Берлин того времени стал своеобразной столицей для мусульманских интеллектуалов-диссидентов. Разведки Франции и Англии фиксировали активность на этом направлении. В частности, английские разведслужбы связывали рост популярности идей мусульманского [коммунизма](#) в Индостане с подрывной работой немцев.

Подобные утверждения изрядно напоминают рассказы европейской и американской прессы о руке Кремля и русском следе во всех бедах западного мира, но доля истины в этих утверждениях может быть. Немцы ещё до начала Первой мировой успешно оседлали волну социал-демократического движения.

Конечно, западные державы тоже [работали](#) с мусульманским сообществом — власти строили мечети в метрополии, аристократы и интеллектуалы принимали или продвигали в прессе ислам, но «тоста за мусульманский народ» было всё же недостаточно. И потому свою аудиторию немцы могли найти при желании очень легко.

Султан Марокко на открытии Соборной мечети в Париже (1926), 1:58

К началу 1930 годов немецкая экономика достаточно окрепла. Реформированные Германом фон Зектом немецкие вооружённые силы были готовы к перевооружению и последующей войне³, немецкий народ избрал канцлером Гитлера, который своё отношение к врагам Германии и условиям Версальского мира описал достаточно откровенно ещё до получения власти.

Государственный антисемитизм нового режима Германии и его достаточно явное недружелюбие к англо-французскому дуумвирату вызвал волну интереса среди арабского населения Ближнего Востока к нацистам как к возможным союзникам в решении имевшихся проблем. Один из топовых арабских интеллектуалов, друзский амир [Шекиб Арслан](#) (панисламист и османский патриот старой закалки, ранее изгнанный французскими властями с подмандатных территорий и издававший в Германии исламистские издания), даже приехал в Берлин в 1934 году. Арслан жаждал лично встретиться с фюрером и убедить в необходимости объединиться с арабским миром в войне против французов и англичан. Познакомиться с канцлером друзу, правда, не дали, а в ближневосточном отделе немецкого МИДа объяснили, что Германии незачем ввязываться в войну, которая противоречит немецким интересам. Тем не менее Германия начала активно продавать арабским странам (в частности, Ираку) оружие, которое периодически всплывало в локальных восстаниях против англичан в регионе. Не напрямую, но весьма ощутимо напряжённость на мусульманских территориях британцев на Ближнем Востоке подпитывалась внутренней политикой Германии. Стремительный рост доли евреев в населении Палестины в период 1918–1938 годов

с 10% до 30% населения произошел в том числе из-за стремительного исхода евреев из нацистской Германии, где они преследовались. Столкновения евреев с арабами из-за земли провоцировали затяжные локальные конфликты, которые становились катализатором противостояния в других регионах британского Ближнего Востока. Современная параллель — так и сегодня волны беженцев из Сирии переносят конфликт Асада с оппозицией далеко за пределы самой Сирии в родственные страны через дырявые границы.

Дальнейшая история отношений нацистов и мусульман тесно связана с конкретным человеком.

Моджахеды Гитлера

[Амин аль-Хуссейни](#) был отпрыском богатой арабской семьи из Иерусалима — собственно, этого фактора достаточно. Хотя Амин и был ветераном османской армии, в 1917-м всё же присоединился к мятежу арабских племён против султана и сражался на стороне Лоуренса Аравийского. После войны англичане даже назначили Хуссейни верховным муфтием Иерусалима. Но возрастающий поток еврейских переселенцев и сопутствующий передел благосостояния в регионе поставил Амина в оппозицию как к евреям, так и к англичанам. Британцы пытались выступить в роли арбитра, но безуспешно. По большому счёту, та же ситуация повторится спустя годы в Северной Ирландии, где англичанам прилетит с обеих сторон.

А ещё аль-Хуссейни был шпионом. Причём, как полагается хорошему шпиону, — работал на несколько разных разведок.

Официальный пост в британской Палестине Амин совмещал с получением зарплаты от французской разведки, которая после Второй мировой спасла муфтия от трибунала за военные преступления. Французы нуждались в Хуссейни, как в человеке, влияющем на ситуацию в британских арабских владениях. Несмотря на формально союзнический статус, свои сферы влияния на Ближнем Востоке англичане и французы защищали, активно друг другу пакостя. Это отдельная и очень интересная история⁴, но для нас важнее, что будучи заинтересованными в сохранении порядка на своей территории, французы хотели, чтобы англичане занимались только разгребанием кровавого бардака в Палестине.



Деньги Хуссейни получал через франко-швейцарца [Франсуа Жено](#), который познакомился с арабом в 1936 году во время поездки в Палестину. Звёздам было угодно сложиться таким образом, что именно в том году в Палестине из-за еврейской миграции началось [арабское восстание](#), продлившееся три года и по масштабам похожее на небольшую войну (почти 6 тысяч убитых и в три раза больше раненых).

По итогам противостояния британцы проиграли в средне- и долгосрочной перспективе. Во-первых, заняв позицию миротворца, Лондон фактически ввязался в войну против местных арабов, и воспринимался аборигенами уже как вполне откровенный враг. Во-вторых, по итогам конфликта британцы ввели значительные ограничения на миграцию евреев в Палестину, что настроил против Лондона уже сионистов, которые позже, после войны, [заставят](#) британцев держать огромный оккупационный контингент (100 тысяч солдат) и убьют британских военнослужащих даже больше, чем Талибан.

Хуссейни в 1930-х годах стал популярным арабским лидером и союзником многих видных мусульманских общественных деятелей того периода, в частности, [Мухаммада Икбала](#) — одного из идеологов создания Пакистана.

С 1936 года Хуссейни получает деньги и от Муссолини, и уже к концу второй половины 1930-х годов становится одним из самых влиятельных персонажей в мусульманском сообществе как Ближнего Востока, так и Европы. Немцы не скупились на поддержку муфтия, и спустя десятилетие оружие, поставленное Берлином, стреляло в руках палестинских арабов в первой войне с израильтянами.

Ещё один интересный деятель германского шпионского ориентализма — Алимжан Идрис. Сначала работал на немцев в лагерях для военнопленных мусульман в годы Первой мировой, а после войны стал лидером местного сообщества бывших военнопленных. Затем отправился в СССР, зазывать советских студентов из Средней Азии в Германию учиться исламу. За это Алимжан немного посидел в советской тюрьме,

а затем вернулся в Германию, где до 1939 года был широко известным (в узких кругах мусульманской эмиграционной интеллигенции) публицистом. До самого конца войны работал в совместном проекте МИДа Германии и Министерства пропаганды по вещанию на арабскую и тюркскую аудиторию.



Алимжан Идрис (1887–1959). Полиглот и переводчик *Mein Kampf* на фарси по заказу руководства СС

Проблема в том, что ислам не централизованная и вертикально интегрированная религия вроде католичества с догматом о непогрешимости Папы Римского. Даже в годы Первой мировой французы и британцы использовали многочисленных лояльных *уляма* (исламские учёные) для контрпропаганды. У французов, например, работал [Сейду Нууру Талль](#), который на местах растолковывал африканским мусульманам, почему правоверные должны сражаться за Францию, а не за халифа. Пока прогерманское издание «Джихад» пыталось подвигнуть мусульман на восстание против стран Антанты, британская газета «Аль-Кибла» (и десятки изданий на английском и французских языках) объясняла с богословских позиций, почему правоверные имеют полное право восстать против халифа (!).

Но и проигнорировать этот электорат было нельзя. Финал Первой мировой ознаменовался ростом числа исламистских движений, подчас очень разных —

от кровавого [движения в поддержку халифата в Индии](#) до основания организации «Братья-мусульмане» в 1928 году.

За исключением организованной поддержки Хуссейни (который в 1941 году переехал в Берлин, где и оставался до конца войны), в целом довоенная политика нацистов в отношении мусульман служила больше инструментом тактическим, нежели стратегическим. «Надо позлить англичан — вот и позлим». Этот лозунг заглушил рокот немецких танков, ворвавшихся на землю Польши, и все изменилось. Начиналась Вторая мировая война.

Свастика и ятаган

Мусульманский вопрос актуализировался в мае 1940 года, когда солдаты Вермахта столкнулись на поле боя с колониальными частями французов. Вскоре фон Оппенгейм написал меморандум для германского МИДа, обосновав необходимость самых активных действий для мобилизации мусульман. Гитлер и нацистская верхушка призыв проигнорировали. Отнюдь не из-за невежества.



Немецкая пропагандистская двусторонняя листовка для мусульман, сражавшихся на стороне Франции летом 1940 года. На французском и на арабском

Лето 1940 года прошло лучше лета 1914-го и закончилось поражением Франции с последующим превращением Восьмиугольника в [союзника Германии](#) и, соответственно, поступлением значительной части французских мусульманских активов в зону ответственности нацистов. Помните Талля, который призывал сражаться на милую Францию против гуннов? В вишистской администрации Талль стал проводником идеи борьбы французов и немцев против англосаксов среди черных

мусульман. Не следовало забывать и об итальянских и испанских союзниках с мусульманскими территориями. Правые режимы того периода любили использовать ислам для укрепления власти. Вишисты [продолжили](#) политику прежнего правительства в деле активной поддержки ислама в своих африканских колониях, а у Франко солдаты-мусульмане вообще [были](#) одним из ключевых факторов победы в гражданской войне. Раскачивать лодку, в которой фюрер немецкого народа находился со своими союзниками, Гитлер не хотел. Поэтому даже подрывная деятельность Хуссейни концентрировалась в основном на очищении от британцев территории Палестины.



Еврейское население Бизерты (Тунис), направленное на подневольные работы. Ноябрь, 1942

В то же время Берлин старался создать режим максимального благоприятствования для мусульман, живущих в немецкой зоне оккупации. Мусульманским военнопленным (а их по итогам кампании 1940-го набралось почти 90 тысяч человек), как и в Первую мировую, создали особые условия содержания. Акцент делался на уважение к религиозным традициям (но это не спасло сотни мусульман-негров от самовольной расправы со стороны немцев-надзирателей). Немецкие власти выстроили хорошие отношения с алжирцем по имени Си Каддур Бенгабрит, настоятелем [Парижской соборной мечети](#), являвшейся центром культурной жизни французского мусульманского сообщества (к концу войны достигшего отметки в 100 тысяч человек).



Настоятель
Парижской
соборной
мечети Си
Каддур
Бенгабрит
приветствует
представителей
Вермахта

Но фронт расширялся, война затягивалась, людей не хватало, и для немцев стала насущной военной необходимостью активизация мусульманского фактора в том или ином виде.



Розовым цветом указаны страны/регионы со значительным мусульманским населением. Зелёная линия обозначает границы завоеваний Третьего рейха по состоянию на 18 ноября 1942-го

К осени 1942 года немцы оккупировали огромные территории, на которых проживало очень много мусульман. С этого периода Геббельс инструктирует прессу убрать все негативные изображения и описания ислама, накопившиеся за сотни лет истории Европы и являющиеся частью европейской культурной изобразительной традиции. Журналистам поручено продвигать образ Германии как дружелюбной к исламу страны. Через год в НСДАП разрешили регистрироваться мусульманам. Чтобы угодить мусульманам, нацисты даже отменили закон 1933 года о запрете на ритуальные жертвоприношения, изначально направленные против религиозных обрядов иудеев. Эти решения отражали динамику отношений с мусульманским миром, хотя в военном отношении успехи Рейха были неравномерны.

На Ближнем Востоке всё складывалось крайне плохо. Сначала, в апреле-мае 1941-го, в результате своевременного британского военного вторжения было подавлено [пронемецкое восстание в Ираке](#), а после, в результате короткой, но очень интенсивной военной кампании, англичане [отбили](#) у вишистов Сирию и Ливан, существенно отбросив наступление держав Оси на Ближнем Востоке. Далее война на Ближнем Востоке для немцев приняла печальный оборот, чему в особенной степени способствовало стратегическое положение британской базы на Мальте, которая сначала сковывала коммуникации «Оси» в Северной Африке, а потом и вовсе привела к поражению в Средиземноморье (поскольку привела к вторжению Союзников в Италию). Активное формирование армии из арабов-коллорабационистов планировалось после «входа в широкое арабское пространство», но запертые в Африке немцы план реализовать не успели.



Во всех регионах со значительным мусульманским населением, где стояли немецкие войска, командование Вермахта выпускало многочисленные брошюры для солдат о том, как правильно и толерантно вести себя при общении с мусульманами

Военное поражение на этом фронте ставило крест на планах Гитлера и Хуссейни о формировании пронемецких вооружённых сил на арабском востоке, согласно которым все три дивизии иракской армии поступали в распоряжение немцев, а ещё 10 тысяч солдат должны были завербоваться на немецкую службу в регионе. Тем не менее около 2400 арабских солдат (приданное вишистского режима) сражались на стороне Оси в Северной Африке в 1943 году. Хотя «сражались» — громко сказано, ведь из всех мусульманских народов на службе Рейха именно арабы проявили себя хуже всех. Постоянное дезертирство и нарушения дисциплины вынудили немцев перевести арабов на работу в тылу.

Пропаганда Хуссейни в Европе даже дала определённые всходы после войны, но конкретно на тот момент требовалось подкрепить слова силой оружия, а с этим обстояло трудно. Конечно, все крупные военные операции немцев в Северной Африке сопровождались сотнями тысяч пропагандистских листовок с упоминанием пророка, джихада и пр., но без практического эффекта. Из курьёзов — германские агенты

распространяли в Марокко слухи, что если страны Оси проиграют войну, то Союзники заставят всех местных мусульман принять христианство.

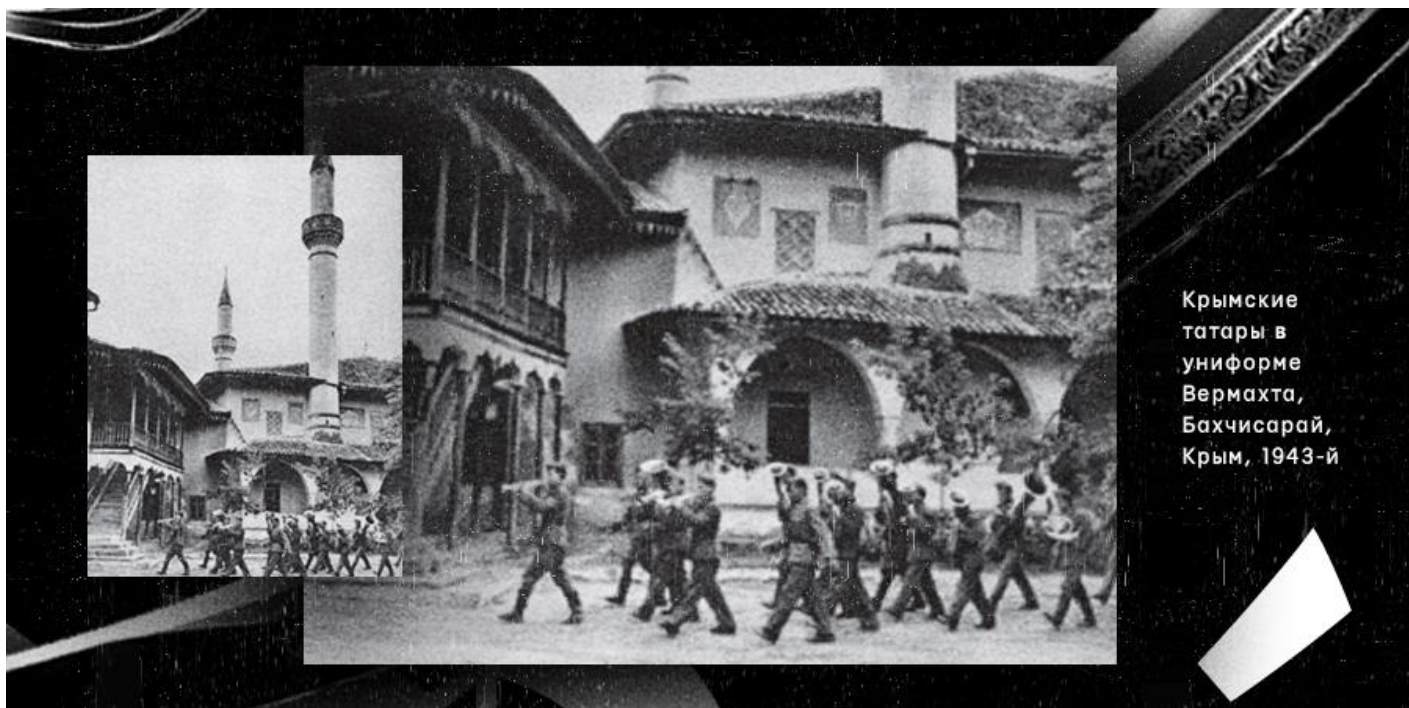
Иная ситуация сложилась в Восточной Европе.



Солдаты
легиона
«Идель-Урал»

В случае СССР активная фаза началась примерно через год после вторжения. Сначала в Крыму местные татары начали избегать призыва и дезертировали из армии, переходя на службу к немцам при первой возможности. После оккупации Крыма летом 1942-го на полуострове стали создаваться мусульманские комитеты, активной помогавшие оккупационным властям в борьбе с партизанами и советской властью на местах, а также развивавшие крымскотатарскую культуру. Немцы — как делают все оккупанты России — поощряли многонационалию и инаковость нацменьшинств бывшей Российской Империи.

Уже в 1942 году в Крыму восстановили [муфтият](#) и вскоре зашли разговоры о духовном окормлении мусульман и в других регионах, в частности, в [рейхскомиссариате «Остланд»](#) (Прибалтика и часть БССР), где верховного муфтия Польши [Якуба Шинкевича](#), литовца по отцу, повысили до муфтия всех мусульман региона. Если кто не знает — с очень давних времён в Польше и Литве живёт компактное сообщество татар. В число обязанностей Якуба, как и многих других муфтиев на территориях, контролируемых немцами, входила вербовка местных мусульман в немецкие воинские части.



Крымские
татары в
униформе
Вермахта,
Бахчисарай,
Крым, 1943-й

По приходу на Северный Кавказ немцы начали работать с местными националистами и создавать национальные комитеты, лидерами которых становились представители местных аристократических семей: например, в Кабардино-Балкарском комитете в топах оказались местные князья Шадов и Шаков.

В итоге немцы создали для практически всех неславянских народов на территории бывшей Российской Империи, — включая так и не оккупированную Среднюю Азию, — национальные комитеты как первооснову будущих независимых государств. Весной 1945 года правительство Рейха даже признало существующие комитеты временными правительствами соответствующих государств. Но вообще упор на самостоятельность (ограниченную — ключевые военно-экономические решения логичным образом оставались в руках немецкой армии) местных национальных объединений делался по двум причинам:

- Исламские народы СССР по отдельности были малочисленны (советский проект создания узбеков, таджиков и прочих единых наций ещё не завершился) и не представляли угрозы, поэтому мусульман проще всего было предоставить самим себе под управление лояльной местной администрации;
- Опыт немцев по изучению мусульманских народов России был не так широк, как было, например, с арабами и персами. Манипуляции сознанием в кайзеровское время ограничивались раздачей тюркоязычным военнопленным из Русской императорской армии пропагандистских изданий на татарском языке. Управлять народом, который плохо знаешь, себе дороже. Лучше дать людям возможность обслужить себя самостоятельно.

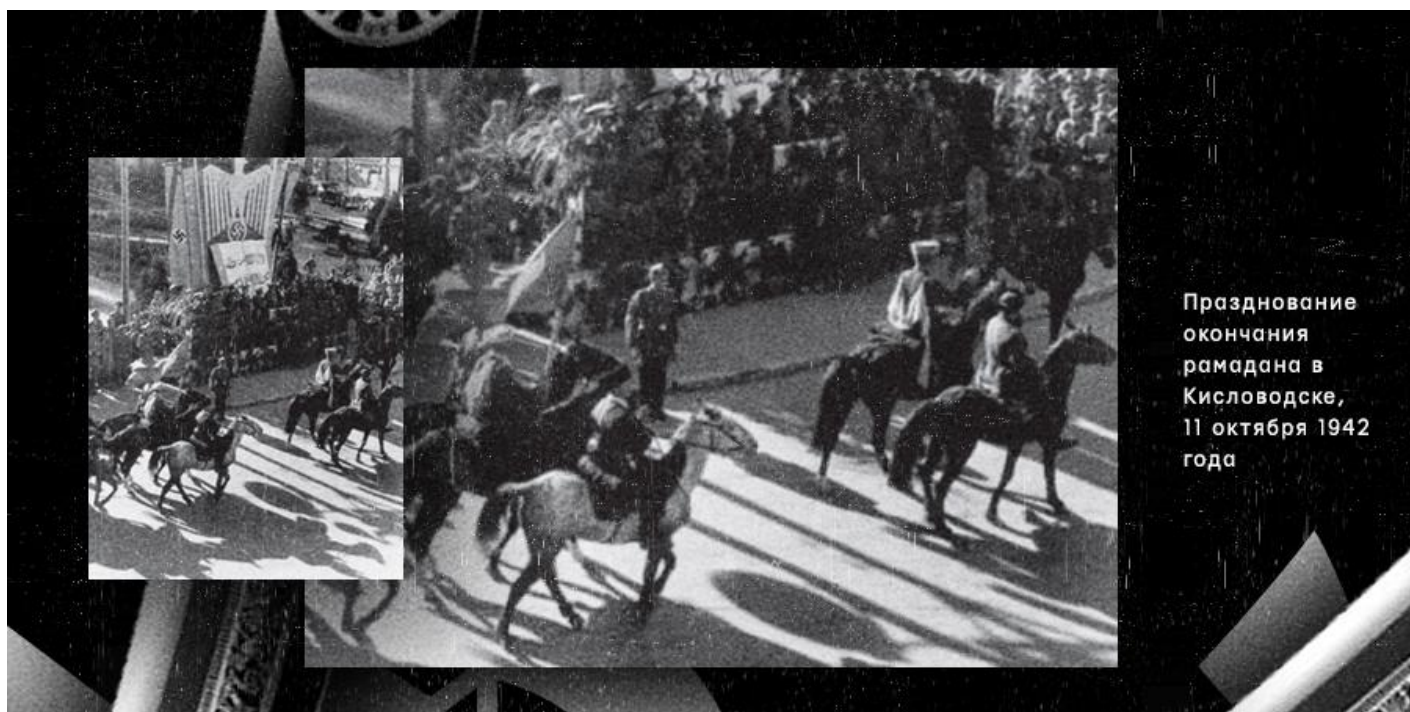
За время войны против СССР немцы сформировали множество боевых подразделений, созданных по национальному признаку, в которых отслужило примерно около 300 тысяч

советских мусульман. Хотя к каким-то подразделениям иногда для доукомплектации присоединяли роту армян или грузин (которые по понятным причинам находятся вне рамок нашего исследования), в целом характер этих подразделений оставался достаточно религиозным — немцы уделяли большое внимание воспитанию исламского духа в восточных солдатах. В каждом подразделении служил свой мулла, которого готовили немцы.

Особняком стоят крымские татары, чьи роты самообороны при немецкой администрации достигли уровня в 4 тысячи людей под ружьём (и ещё 5 тысяч человек в резерве). Решающую роль в идеологической подготовке этих объединений закономерным образом играли местные мусульманские религиозные авторитеты.

Также имелись крупные группы перебежчиков-мусульман, по численности не дотягивавшие до создания отдельного боевого соединения, но отправлявшиеся подкреплять другие, более крупные соединения — например, 7-я гренадерская рота 91-го полицейского гренадерского полка состояла из крымско-татарских перебежчиков (252 человека). В целом за всю историю войны на стороне Вермахта в том или ином виде оказались 20 тысяч крымских татар.

Для всех обрабатываемых народностей издавались свои газеты и даже делались свои радиопередачи. И всё, конечно, с акцентом на исламизм и джихад как эффективное средство мобилизации.



Празднование
окончания
рамадана в
Кисловодске,
11 октября 1942
года

Кстати, и тут немцы проявляли политкорректность, как и в случае с употреблением производных от «семит». Татарами в Германии и Европе испокон веков называли всех диких азиатов. Чтобы отделить славянских недочеловеков от доблестных арийцев Востока, начали использовать более корректные термины — народы Идель-Урала (для народов Поволжья), крымские турки (понятно о ком) и пр.

Несмотря на разнообразие и обилие подразделений из представителей мусульманских народов СССР, многие из них занимались полицейскими, карательными и иными вспомогательными функциями и не участвовали в больших сражениях на передовой. Тем не менее некоторые попадали на самый край — в частности, три мусульманских батальона оказались под Сталинградом, а некоторые подразделения участвовали в последней обороне Берлина.

На территории оккупированной Югославии мусульмане оказались под крылом Хорватии. Там для правоверных создавались местные вооружённые формирования малого и среднего масштаба. В итоге большую часть укомплектовали в большую дивизию «Ханджар» (штатная численность 26 тысяч человек, реальная в разные периоды войны около 20 тысяч). Изначально дивизия комплектовалась из боснийцев — кстати, славян. Впоследствии для более полной комплектации в часть начали включать и албанцев. Даже какое-то время думали влить в дивизию и немногочисленных индостанских мусульман из формирования «Азад Хинд» (про это формирование, которое не было чисто мусульманским, можно больше прочитать в нашем материале про [Субхаса Чандру Боса](#)) — но впоследствии решили, что белые и цветные не смогут эффективно работать в рамках одного подразделения.



Боснийский солдат читает немецкую брошюру «Ислам и еврейство», Югославия, 1943 год

По старой недоброй балканской традиции, местные власти под защитой немцев начали злоупотреблять властью в отношении незащищённых соседей (в данном случае, сербов) и [совершили](#) вагон военных преступлений. Что интересно, лидеры боснийских мусульман яро настаивали, что боснийцы являются потомками германского племени готов, а вовсе не славянами — эта версия активно поддерживалась имамами батальонов «Ханджара».

В прогерманской Хорватии ислам объявили второй государственной религией после католичества, в Загребе [была](#) открыта огромная мечеть, и в целом режим закрывал

глаза на практику шариата в Боснии.

Ввиду активизации партизан Тито немцы стали куда более активно вмешиваться в управление Балканами. В итоге мусульманские территории Югославии отошли под фактический контроль Берлина.

По этому случаю СС отправили Хуссейни в поездку по региону популяризовать немецкое правление. В целом тур прошёл достаточно успешно и акцент на борьбе с еврейством в речах Хуссейни нашёл отклик у местных мусульман. Как впрочем и у очень многих мусульман той эпохи, испытывающих традиционное недоверие к иноверцам.

Отношения нисколько не испортились. Более того — немецкие власти стали дружить с мусульманами ещё активнее, распределяя гуманитарную помощь населению через местные мусульманские благотворительные организации вроде «Мерхамет» (довольно значительные суммы жертвовали и нацистские топы вроде Гиммлера — уже как частные лица). Дружба оказалась взаимовыгодной. Когда в Хорватии начали решать еврейский вопрос, отобранную у сараевского еврея текстильную фабрику отдали в пользование «Мерхамета», который стал поставщиком текстильной продукции для германской армии.



Всего за время 1941–1945 годов в частях Вермахта прошли службу примерно 450 тысяч мусульман-добровольцев (из которых 2/3 были советскими гражданами). Много это или мало? Принимая во внимание недостаток времени и ситуативность решений, принимаемых в отношении мусульманского мира (серьёзно немцы начали работать с исламом постфактум — уже после начала боевых действий), результат получился гораздо лучше, чем можно было ожидать. Немцам не хватило времени и достаточных ресурсов на аналоги английского [Глабба-паши](#) (который формировал свою репутацию среди бедуинов десятилетиями), но всё же пропаганда Берлина легла на плодородную почву. В принципе, союз мусульман и нацистов был достаточно крепким

и оказался выгоден для последних. Но использование немцами джихадизма было бы куда более масштабным и эффективным, не связывай себя Гитлер обязательствами перед французскими, итальянскими и испанскими союзниками. Конечно, полномасштабный мировой джихад немцам не удалось устроить и в куда более благоприятных для этого условиях Первой мировой (с действующим халифом). Но мы просто не знаем, как выглядела бы альтернативная версия истории, используя немцы ислам не в конкретных регионах от случая к случаю, а попытались сделать Германию лидером освободительного движения всех мусульман. Тогда бы союзникам стало гораздо сложнее черпать человеческие ресурсы из мусульманских регионов во второй половине войны: например, исламские части играли большую роль в освобождении Парижа и защите британских колоний в Юго-Западной Азии (где больше 1/3 из 2.5-миллионной армии [были](#) мусульманами).

Об эффективности использования этих формирований можно долго спорить, поскольку она сильно отличается в зависимости от района или региона. Как вели себя арабские добровольцы, мы уже видели. Совсем другая ситуация с боснийцами на Балканах. В теории национально-религиозные формирования лучше всего показывали себя в пределах родного региона — в частности, рвение крымскотатарских добровольцев в администрировании оккупированного Крыма в итоге разозлило даже известного своей любовью к нацменьшинствам Сталина, что и привело к депортации. 804-й и 805-й азербайджанские батальоны сильно помогли немцам в зачистке удалённых районов Северного Кавказа. С другой стороны, грамотное использование частей вдалеке от «национальной» линии фронта могло приносить ожидаемые нацистами результаты. Например, мусульманские соединения Дирлевангера доставили участникам [Варшавского восстания](#) немало кошмарных минут и часов, а 1-й Восточно-мусульманский полк СС действовал против белорусских партизан в марте 1944-го. Конечно, это были во многом полицейско-карательные операции, но это неотъемлемая часть любой затянувшейся войны на чужой территории. Сегодняшние войны на Ближнем Востоке тому пример.

Их борьба

В целом судьба основных участников истории сложилась достаточно неплохо. Макс фон Оппенгейм мирно умер в 1946 году. Якуб Шинкевич [уехал](#) в Америку, где стал имамом в бруклинской мечети. Алимжан Идрис остался в Западной Германии и, по традиции, возглавил местное сообщество, костяком которого стали мусульманские добровольцы Третьего рейха.

Несколько позднее мусульмане-ветераны создали первые мусульманские организации ФРГ, топовые посты в которых заняли бывшие имамы рейха: главой «Исламского религиозного общества» (Religiose Gemeinschaft Islam) стал имам Ибрагим Гачаоглу

(Гаджаоглы), ранее служивший в Вермахте; организацию, помогавшую мусульманским беженцам, возглавлял Нуреддин Намангани, бывший имам СС и участник подавления Варшавского восстания.

Что интересно, позднее в ФРГ главой министерства по делам изгнанников, беженцев и жертв войны стал Теодор Оберлендер, командир одного из первых мусульманских вооружённых формирований Третьего рейха.

Хуссейни успешно избежал плена в самом конце войны и бежал в Швейцарию, где ещё до войны соратник муфтия, Франсуа Жено, организовал в Лозанне целый ночной клуб «Оазис» для прикрытия тайных операций немецкой разведки и где занимался отмыванием денег, выбитых нацистами из евреев. Швейцарцы, испугавшиеся возможных международных последствий, выдали муфтия от греха подальше французам, и тут начинается самое интересное. Хуссейни был не только замешан в уничтожении евреев (к которому активно призывал), но и официально являлся верховным муфтием всех мусульман, находившихся на территориях, захваченным Рейхом. Конечно, от нацистской империи остались одни руины, но это не делает Хуссейни менее значимой фигурой в иерархии Рейха.

Что же сделали с муфтием французы? Поселили на вилле возле Парижа, откуда уже ранее упоминавшийся настоятель Парижской соборной мечети Си Каддур Бенгабрит вывозил Хуссейни на роскошные приёмы, где присутствовали дипломаты из ведущих мусульманских стран. Французов завалили петициями со всего исламского мира о позволении Хуссейни вернуться на Ближний Восток. Среди авторов прошений замечен и Хасан Аль-Банна, основатель [«Братьев-мусульман»](#).

В 1946 году Хуссейни улетел на Ближний Восток, где пытался руководить борьбой палестинцев против Израиля и активнейшим образом распространял панисламистские идеи. Прожил очень долгую жизнь и умер в 1974 году, пережив «голодные» для исламистов 1950–1960 годы и передав ответственность за судьбу палестинского народа Ясиру Арафату, которого официально объявил преемником в 1968 году. Хотя Арафат отошёл от исламизма и включил палестинскую борьбу в контекст куда более широкого фронта антиимпериалистического сопротивления по всему миру, время от времени нацисты доставали евреев даже после смерти. Например, [Али Хасан Саламе](#), организатор теракта в Мюнхене в 1972 году, — сын немецкого диверсанта [Хасана Саламы](#). У Франсуа Жено тоже всё сложилось хорошо (он даже регулярно навещал Хуссейни в Ливане). Всю Вторую мировую войну Жено помогал нацистам решать вопросы нелегальных финансовых транзакций как государственного (например, перевода денег арабским исламистам), так и глубоко личного (вроде пополнения счетов в швейцарских банках) характера. Одним из партнёров Франсуа был сотрудник Абвера и член НСДАП [Пауль Дикопф](#), позднее ставший директором Интерпола. Хорошие связи позволили Жено остаться на плаву и после неудачного (для немцев) финала войны — делец занялся консалтинговыми и финансовыми операциями на Ближнем Востоке, став

связующим звеном между бывшими немецкими нацистами и арабскими националистами.

Арабы начали строить национальные государства, вдохновляясь куда больше Третьим рейхом (отчасти из-за антисемитизма, имевшего, однако, отличавшиеся причины), чем примером поддерживавшего мусульманских трудящихся СССР. Из 20 тысяч бежавших из Германии нацистов немалая часть осела в Сирии и Египте, где квалификация [поставила](#) беженцев очень высоко в местной иерархии (в основном среди силовиков, но и учёных). Самые известные персонажи принимали ислам — не из идеологических побуждений, конечно, а ради лучшей маскировки и укоренения в местной почве.

Жено прожил очень долгую жизнь как банкир и финансист самых разных террористов (включая Карлоса Шакала и палестинских борцов за свободу) и мирно умер в 1996 году, приняв яд. Самоубийство в античных традициях Франсуа совершил не из-за неуловимых израильских спецслужб, а потому, что швейцарская прокуратура готовила арест Жено за удержание золота нацистов (а ещё — депрессия от смерти одной из дочерей за пять лет до этого).

Список дел и связей Жено с исламистами велик и разнообразен — от ХАМАСа до «Аль-Каеды». Например, именно Франсуа финансировал пребывание аятоллы Хомейни во Франции до прибытия идола революции в Иран. Ученик Жено — [Ахмед Юбер](#), большой поклонник Адольфа Гитлера и финансист «Аль-Каеды».

Это очень большой человек, судя по тому, как долго прожил и каким делами занимался. И сам факт того, что Жено умер фактически своей смертью в очень преклонном возрасте, не скрываясь ни от кого, говорит о *многом*. Франсуа финансировал алжирских повстанцев в то время, когда французская разведка [убивала](#) немецких бизнесменов за продажу мятежникам оружия; помогал бывшим нацистам и палестинцам в эпоху, когда израильтяне активно искали, находили и убивали врагов по всему миру. Человек всю жизнь бежал в очень тяжёлых ботинках по очень тонкому льду и... ничего не произошло. Почему? Ну, если звёзды зажигают, то это кому-нибудь нужно. Тем более такие яркие звёзды.

Через «Арабский коммерческий банк», основанный Жено в 1955 году в Женеве, проводились практически все финансовые операции исламистов, базировавшихся в Европе. Потом, к концу Холодной войны, воины джихада освоились с банкингом и построили собственную систему финансовых транзакций. И часть паутины потом расположилась в Мюнхене. И тут мы подходим к ещё одному аспекту сотрудничества нацистов и мусульман.

Влияние нацистов на развитие арабского экстремизма и антиизраильских настроений в регионе бесспорно и лежит на ладони. Но антисемитизм арабов и противоречия с еврейскими поселенцами существовали и без нацистов — так что ещё вопрос, кто кого использовал. Скорее, арабы нацистов. Строились на Ближнем Востоке как раз

секуляризированные государства европейского типа, ислам оставался в основном в области риторики, нежели практики.

Но вот радикализация европейского ислама — это, бесспорно, заслуга нацистов.

Полумесяц против серпа и молота

Отматываем плёнку назад. Мы — во времена прихода Гитлера к власти и консолидации мусульман Германии. Немногочисленное сообщество мусульман в Германии не может похвастаться централизацией и каким-то ярко выраженным идеологическим окрасом. Единственная мечеть Берлина вообще контролируется представителями [секты Ахмадие](#), далеко не мейнстримной в исламе. Группа последователей Арслана и Хуссейни среди местных мусульман составляет около 250 человек, то есть меньше 1/10 от общего числа немецких мусульман.

Теме не менее именно эта группа получает поддержку нацистов по причине общности интересов касательно еврейского вопроса и судьбы европейских колониальных империй. В ноябре 1927-го на деньги Хуссейни в Берлине организован Исламский институт, который с самого начала плотно работал с сочувствующими из числа немцев, в частности, с военно-политическим бэкграундом. В почётном совете института заседал [Франц фон Папен](#), бывший ветеран ПМВ на Ближнем Востоке и будущий посол Германии в Австрии и Турции; сооснователем института был учёный-ориенталист Георг Кампфмайер, также служивший во время ПМВ на Ближнем Востоке.

Преимущество в финансировании и организации быстро вывело институт в мейнстрим не только немецкого, но и общеевропейского ислама — в 1930-м группа Хуссейни захватила контроль над берлинской мечетью и зарегистрировала Немецко-мусульманское сообщество, объединявшее всех мусульман страны и находившееся под контролем Исламского института. Вуз готовил кадры из мусульманских стран, которые, как говорил на открытии сам Кампфмайер, «должны были вернуться в родные страны и стать там лидерами», дабы править там в соответствии с принципами шариата. Кстати, Кампфмайер, в отличие от большинства нацистов, сильно уважавших Ататюрка и новую Турцию, считал секуляризацию Турции ошибкой и выступал за популяризацию исламских норм в исходно мусульманских странах.

Пошло настолько хорошо, что постепенно весь мусульманский мейнстрим в Германии (и даже за её пределами — например, в Англии) приобрёл экстремистский оттенок. Антисемитизм и политический исламизм никуда не исчезли с окончанием войны. Ведь наиболее активной и организованной (компенсируя недостаток численности) частью европейского мусульманского сообщества остались именно наследники нацистов. Западным спецслужбам было не до того — арабские и мусульманские страны были лояльны или подконтрольны победителям во Второй мировой, да и в главной повестке дня стоял сионистский терроризм. Арабский терроризм во Франции был связан

с исламизмом примерно никак и являлся частью народно-освободительного и социалистического по своему содержанию движению Алжира за независимость. Показательно, что герои алжирской войны за независимость спустя десятилетия были вынуждены сражаться с исламистами в долгой и жестокой гражданской [войне](#). Дело также в противостоянии между США и СССР. После демонтажа европейских колониальных империй Страна Советов стала главным стратегическим соперником США в новом мире. Вашингтон взялся за борьбу с дубовым упорством, доставшимся американцам от немцев, начав поддерживать любые сепаратистские идеи и движения на национальных окраинах СССР. На этом пути Штаты совершили все возможные ошибки, и даже тратили деньги на [мошенников](#), уверявших ЦРУ в существовании огромного партизанского движения на Украине. Но одним из главных — и при этом неосознанных тогда — в исторической перспективе решений стала политика терпимости по отношению к исламским экстремистам в Европе, которые работали эксклюзивно против Советского Союза как богоборческой державы, угнетающей миллионы мусульман. Немцы стимулировали исламизацию национально-освободительных движений в соответствующих районах Советского Союза. Американцы и союзники продолжили политику побежденных из соображений, что панисламистские идеи служат более эффективным рычагом мобилизации масс, а также дают возможность получать поддержку из иных стран, не имеющих с этими народами ничего общего, кроме религии. Эта тактика оправдала себя в Афганской войне, где арабские добровольцы и жертвователи внесли существенную лепту в дело моджахедов.

Через [«Американский комитет по освобождению от большевизма»](#) (сокращённо «Amcomlib»), предтечу «Радио Свобода», американцы поддерживали сепаратистские настроения среди национальных меньшинств, которые в «империи позитивной дискриминации» СССР катались как сыр в масле по сравнению с реально угнетаемым русским населением. Значительную роль в операциях по поддержке национал-сепаратистов сыграл [Герхард фон Менке](#), ориенталист Третьего рейха и организатор самых значительных инициатив нацистской Германии по включению в войну кавказских и тюркских народов с упором на мусульманство. Речь и об образовании национальных комитетов и создании национальных вооружённых частей.

После войны Герхард [предложил](#) свои услуги англичанам как ориенталист, специализирующийся на мусульманских народностях СССР, и переселился в британскую зону оккупации. Несколько позже создал think-tank «Исследовательская служба Восточной Европы», аффилированный с британскими оккупационными властями (первоначальное финансирование шло от Лондона). Затем, с появлением собственно ФРГ, список спонсоров расширился и включал в себя уже МИД Германии и разведывательную службу Бонна. В состав организации Герхард набрал бывших коллег из уже несуществующего Имперского министерства оккупированных восточных территорий и использовал связи и финансирование для эвакуации мусульман-ветеранов

Вермахта и просто коллаборационистов-мусульман из числа советских граждан в Западную Германию.

И фон Менке и его соратники из «Amcomlib» активно использовали мусульманский фактор. Например, на американцев работал бывший солдат легиона «Идель-Урал» и будущий глава татарской секции «Радио Свобода» [Гариф Султан](#). Султан, кстати, один из кумиров современных татарских националистов. Писал речи для упоминавшегося ранее ветерана Вермахта Ибрагима Гачаоглу с акцентом именно на страдания мусульман в СССР.

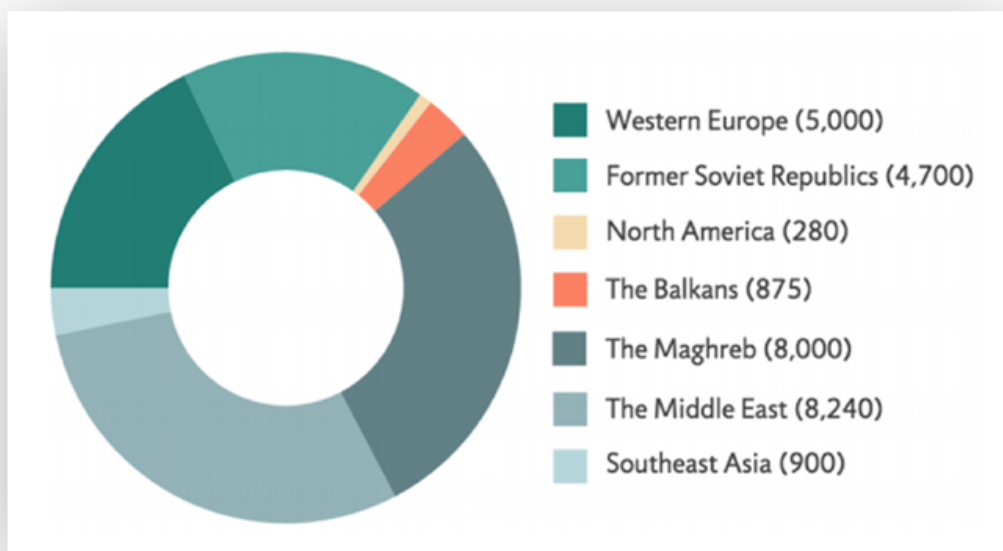
Однако фон Менке не хотел отдавать контроль над немецкими мусульманами иностранным разведкам и решил выбрать для уммы Германии своего вожака. Выбор пал на того самого бывшего имама СС Нуреддина Намангани, который за войну получил ряд немецких наград, включая Железный крест (а также участвовал в подавлении Варшавского восстания). Потомка целой династии туркестанских имамов в самом начале арестовали советские власти, после чего Намангани был освобождён только наступающими немецкими войсками. Через десять лет после войны фон Менке вытащил имама в Мюнхен, где убедил правительство сделать Нуреддина основным духовным лицом, ответственным за духовное окормление пока ещё немногочисленного мусульманского населения и, соответственно, позволил Намангани получать официальную зарплату от правительства.

Фон Менке также пролоббировал строительство новой мечети для постепенно увеличивающегося мусульманского населения страны. Но вскоре из Женевы приехал соратник основателя «Братьев-мусульман» [Саид Рамадан](#) и оттеснил немецких братьев (и, соответственно, фон Менке и всех его мусульманских протекте) от этого проекта. Тут пути фон Менке и американского «Amcomlib» разошлись — началась публичная кампания травли Намангани как человека, замешанного в военных преступлениях нацистов, и Нуреддина постепенно вывели из общественной жизни. Фон Менке тоже устранили из общественной жизни, и Герхард умер в 1963 году от сердечного приступа, а через несколько лет think-tank перестал существовать. Но это уже ничего не значило. Самое главное, что нацистами уже была создана отличная платформа для развития политического исламизма. Просто управление перехватили «Братья-мусульмане», сделавшие Мюнхен базой для европейских операций. Американцы на этом этапе (1950-1960 годы) деятельно [поддерживали](#) Рамадана и его организацию за участие в блокировании растущего влияния Советского Союза в мусульманском мире. Мюнхенская мечеть стала де-факто европейским представительством организации, а комитет по строительству превратился в организацию «Исламское сообщество Германии», представляющую более 60 мечетей и культурных центров по всей ФРГ. По [мнению](#) представителей немецкого разведсообщества, организация является штаб-квартирой «Братьев-мусульман» в Германии. А что из себя представляет эта

организация, можно понять из новостей Ближнего Востока, которые работают лучше любой кампании очернения.

Из Мюнхена организация постепенно распространилась по всей Европе — сегодня филиалы можно найти во Франции («Союз французских исламских организаций»), Англии («Мусульманская ассоциация»), даже самостоятельное турецкое движение [Milli Görüş](#) (из которого вырос нынешний политический порядок Турции) начиналось в тесном союзе с организацией. Сегодня «Братья-мусульмане» формируют идеи и контент, задающий тренд в мусульманском информационном пространстве, а прекрасно дополняющая [«империя грантов»](#) Саудовской Аравии возвращает террористов по всему миру. Но подобно тому, как современные европейцы ходят по дорогам, построенным римлянами, интеллектуальная инфраструктура мусульманских экстремистов в Европе была создана при нацистах.

Сами по себе первоначальные мигранты из мусульманских стран изначально не были религиозно заряжены — религиозность пришла к детям понаехавших, как можно судить по социальному составу современных европейских исламистов, которые едут воевать на Ближний Восток. Первая мощная волна арабских мигрантов во Францию состояла из алжирских лоялистов («харки») и их семей. Этим людям религия была не особенно нужна. Но по иронии судьбы пропаганда религиозных идей оказалась куда более распространена в развитых странах, чем в какой-нибудь Турции, где до недавних пор даже женщинам было запрещено ходить в платках. Сегодня добровольцы из Европы (и находящегося в европейской сфере влияния постсоветского пространства) находятся в авангарде боевых отрядов Исламского Государства.



*Данные по региональному составу добровольцев, едущих воевать за ИГИЛ.
Из [отчёта](#) Soufan Group, 2015 год*

Мешать процессу политизации ислама в послевоенной Германии было особо некому, поскольку эти решения пока ещё касались только внешнеполитической линии страны (до терактов в Германии еще далеко) — а на этом направлении работало достаточно людей, лояльно настроенных к исламистам.

В первой когорте сотрудников МИДа ФРГ больше половины опытных дипломатов (57 человек из 108) были теми, кто так или иначе работал с мусульманскими странами в эпоху нацистской Германии. Например, Герман Войт, бывший член НСДАП, занимался координацией политики на Ближнем Востоке в администрации Конрада Аденауэра; послом в Египте, Йемене и Саудовской Аравии был Гюнтер Павельке, немецкий диверсант, работавший на Ближнем Востоке в период Второй мировой. Всего в МИДе той эпохи работали 192 бывших члена НСДАП.

Все эти люди в той или иной форме сражались против СССР, который остался противником и после 1945 года с включением страны в блок НАТО. С точки зрения немцев, всё было логично: «в СССР проживает 30 миллионов мусульман, они потенциально неояльны, почему бы не разворошить это осиное гнездо?». Так думали и американцы, которые позже поддержали Талибан, с которым сейчас воюют.

О крайне лояльном личном отношении Гитлера к исламу известно из записей его бесед⁵; о симпатиях нацистских функционеров можно узнать из литературы, перечисленной в списке источников.

В первую очередь нацистов привлекал колоссальный мобилизационный потенциал ислама как в военном, так и в гражданском плане. Если с первым аспектом всё понятно (нацеленность на экспансию и акцент на войне), то со вторым нацистам импонировала детальность и проработанность норм шариата, которые, по сути, расписывали весь распорядок жизни и организовывали в соответствии с определённым образцом, считавшимся идеальным. Тому же Кампфмайеру исламизация Ближнего Востока виделась наиболее желаемым из возможных вариантов не из-за теоретических умозаключений, а потому лишь, что, как немец сам признавал, исламизм создаёт интеллектуальный фундамент надёжного управления населением восточных стран. Этот концепт был бережно перенесён новыми властями в новую послевоенную Германию и со временем зажил своей самостоятельной жизнью. Кайзер и нацисты вывели политический исламизм — бывший продуктом внутреннего потребления немцев — в глобальный контекст противостояния держав и сверхдержав.

Читайте ещё больше платных статей бесплатно: <https://t.me/nopaywall>